

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАК СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

И.А. Бубнова, Д.В. Подрезова

Московский городской педагогический университет, г. Москва

В статье рассматривается проблема precedentного имени, которое, являясь частью когнитивной базы определенного лингвокультурного сообщества, репрезентирует в ней определенную культурную ценность нации. Особое внимание уделяется процессу формирования precedentного имени в индивидуальном языковом сознании и факторам, влияющим на изменение его содержания. Доказывается, что накапливаемые изменения в содержании precedentного имени на уровне отдельной личности как члена определенной социальной группы способны привести к изменениям в системе культурных ценностей всего народа.

Ключевые слова: национальные ценности, национальная языковая личность, precedentное имя, культура, языковое сознание.

Введение

Несмотря на ведущиеся сегодня в лингвистике споры о возможности существования национальной языковой личности, одной из главных характеристик которой является специфическая система ценностей, определяющая ее миропонимание [21, 36], ни у кого уже давно не вызывает сомнений то, что, овладевая родным языком, ребенок одновременно овладевает родной культурой: действием с предметами, имеющими культурную специфику, национально-специфическими моделями поведения, а также имеющей национальные особенности системой культурных ценностей. При этом важно подчеркнуть, что в обыденной жизни различия в некоторых действиях и поведенческих моделях очевидны не только специалисту, но и любому человеку, оказавшемуся в ситуации непосредственного контакта с представителем иного лингвокультурного сообщества. Даже маленький ребенок, родившийся в Восточной Азии, знает не только назначение и способ действия с некоторыми культурными предметами, но и слова, их обозначающие, а поэтому, не задумываясь, использует *куайцзы* в Китае, *хаси* в Японии или *чоккара* в Корее. Однако для европейского малыша эти предметы до определенного времени остаются, в лучшем случае, лишь игрушкой, а могут и вообще (по крайней мере, их наименование) остаться неизвестными.

Важно отметить, что такое положение характерно не только для предметной деятельности. Это утверждение справедливо и в отношении моделей поведения и невербальных средств общения, незнание которых часто становится причиной межкультурного непонимания или даже межкультурного конфликта. Более того, незнание либо непо-

нимание культурной специфики большинством членов национального сообщества ведет к формированию ложных гетеростереотипов – устойчивых психологических образований, представляющих собой яркий образ какого-то народа или отдельной социальной группы, обладающих целостностью, ценностной окраской, ригидностью, сочетанием эмоционального и рационального элементов. Так, к примеру, широко распространен стереотип об угрюмости и мрачности русских, хотя такое поведение связано не с интегральными качествами русского человека, а с особыми функциями русской улыбки, отличающими её от улыбки как на Западе, так и на Востоке [27, с. 53–60]. Интересно, что «не повезло» в интерпретации специфики улыбки не только русским, но и представителям восточных культур: их традиция улыбаться в тех ситуациях, когда европейцы открыто выражают испытываемое ими чувство горя, неловкости или сожаления, как правило трактуется представителями иных культур как бесчувственность либо лицемерие, хотя причина такой улыбки прямо противоположная – это желание уберечь собеседника от негативных эмоций.

Но если различия в действиях и поведении проявляются внешне, в силу чего их осознание и рефлексия над причинами, их порождающими, на уровне отдельной личности представляется более вероятной, то в случае с системой ценностей этноса все обстоит значительно сложнее.

1. Ценности: универсализм vs национальное своеобразие

Несмотря на то, что проблема универсальных ценностей, соотношение парадигм универсализма и культурного релятивизма, является в современ-

ном научном обществе предметом порой ожесточенных дебатов, окончательный список ценностей, которые можно отнести к универсальным, не определен до сих пор. Более того, возникает вопрос не только о самом термине *универсальный*, но и о возможности существования идей, разделяемых всеми членами человеческого сообщества во все исторические периоды его существования. Снимая данные противоречия, сторонники концепции универсализма отмечают, что сегодня в качестве универсальных выступают «ценности, которые сейчас связывают все страны мира в единое целое. Они были выработаны в послевоенное время и, в основном, почерпнуты из европейской культуры – это верховенство права, экономическая и политическая конкуренция» [38]. Если оставить за скобками утверждение о безусловном приоритете западноевропейской цивилизации, такое определение кажется практически безупречным, с единственной, но существенной оговоркой. Оно, как представляется, применимо только лишь в том случае, когда речь идет о правилах или ценностях, регулирующих межгосударственные взаимоотношения (хотя оправданность притязаний теории международных отношений на формулирование универсальных законов мировой политики – это также предмет спора до сего дня). Что касается ответа на вопрос о возможности существования универсальных ценностей для всех народов с точки зрения аксиологии, социологии или психологии, то на сегодняшний момент он, скорее, будет отрицательным, хотя это само по себе и не исключает наличия ценностей, признаваемых во всем мире. Наибольшим объяснительным потенциалом в данном вопросе, на наш взгляд, обладает концепция Ш. Шварца, считающего универсализм **лишь одной из десяти базовых ценностей, мотивированной потребностью индивида либо группы в выживании** и включающей в себя понимание, уважение, толерантность и защиту благосостояния всех людей и окружающей природы [39] [выделено нами – *И.Б., Д.П.*].

Однако потребность в выживании, как и другие биологические потребности, никогда не относилась к терминальным ценностям, определяющим смысл жизни и ценностные основы поведения человека или нации. Тем не менее, именно к этой потребности сегодня апеллируют сторонники универсализма в борьбе против национальной идентичности, и именно эта и подобные ей ценности во второй трети XX века во многих странах начали постепенно заменять ценности традиционные, укрепляющие в отдельном человеке его ощущение принадлежности к определенной культуре и нации.

Иначе говоря, уже несколько десятилетий в мире продолжается настоящая «война» идентичностей, в результате которой национальные ценности, как полагают многие, должны уйти в прошлое, раствориться в процессе глобализации в

силу их неконкурентоспособности применительно к инновационному развитию, а эталоном должны стать ценности общеевропейские.

Для нас важно, что сама по себе глобальная дискуссия о приоритете тех или иных ценностей, в которую вовлечены не только представители самых разных наук, но и политики, общественные деятели, деятели культуры и искусства, а, по сути, вся активная часть общества, подтверждает сам факт признания существования национальных ценностей и, следовательно, национального своеобразия миропонимания, всеми ее участниками – и их противниками, и их сторонниками. Более того, несмотря на декларируемую определенной социальной группой уже в течение нескольких десятилетий необходимость перехода на некую универсальную систему ценностей, именно ценности этнические продолжают пока определять специфику мировидения многих, в том числе и русского, народов.

В рамках лингвистики специфические черты характера этноса, его жизненные установки, в основе которых лежит системы культурно обусловленных ценностей, исследуются через анализ ключевых слов, выявленных при анализе культурных текстов и словарей [12], анализ *концептосферы* культуры [25, 26] и ее отдельных «*культуроносных*» слоев [29, 13 и др.]. В психолингвистике особым объектом исследования является *языковое сознание*, понимание которого в московской психолингвистической школе сформировалось под влиянием трудов Л.С. Выготского и общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева и, соответственно, расходится с его трактовкой в иных научных течениях. Основные точки зрения на сущность сознания представлены в работах А.А. Леонтьева, подчеркивающего тот факт, что «в мировой философской, психологической и лингвистической литературе можно найти два взаимоисключающих подхода к соотношению языка и сознания. Согласно одному из них, единицей сознания, тем, в чем и при помощи чего существует сознание, является система вербальных, словесных значений и обслуживающих эти значения разнородных коммуникативных средств. Проще: система языковых знаков. Отсюда все неогумбольдтианство, включая теорию лингвистической относительности; отсюда лингвистическая философия, общая семантика и другие неопозитивистские трактовки языка. Согласно другому подходу единицей сознания является предметное значение, а язык в этом случае понимается как система значений, могущих актуализироваться и в вербальной форме» [19, с. 16–17]. Однако человек, по мнению А.А. Леонтьева, «стоит перед лицом не отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельным значением, а системой значений» [19, с. 19], а, отсюда языковое сознание представляет собой целостную систему предметных значений, которые в той или иной форме

(в том числе вербальной) эксплицируются в процессе различных видов деятельности.

Не останавливаясь детально на полученных в ходе психолингвистических экспериментов результатах (подробнее об этом см., напр. [10, 11, 23, 24, 30–33]), подчеркнем, что они убедительно доказали, что языковое сознание носителей русской (и иных исследованных народов) культуры имеет свои характерные черты, определяющие неповторимость и этническое своеобразие различных лингвокультурных сообществ, которым «присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социальных изменений» [20, с. 41]. Иначе говоря, эксперименты раз за разом подтверждают, что «сознание человека всегда этнически обусловлено <...>; видение мира одним народом нельзя простым „перекодированием“ перевести на язык культуры другого народа» [19, с. 20], причем именно национальные ценности играют ведущую роль в восприятии народом окружающей действительности и событий, происходящих в ней.

2. Прецедентное имя в групповом и индивидуальном языковом сознании как символ культурной ценности этноса

История любого этноса, все ее вехи, которые остаются значимыми и для современных поколений, ценности, на которых в течение столетий выстраивалось мировидение и миропонимание того или иного народа, зафиксированы в языке и отражены не только в текстах, начиная от древних летописей и заканчивая художественными произведениями. Они хранятся в его паремиологическом фонде – пословицах и поговорках, представляющих собой один из вариантов концептуализации этнической языковой картины мира. Если рассматривать картину мира в общефилософском смысле, т. е. как совокупность мировоззренческих знаний о мире и его предметном содержании, которыми обладает человек как член любого лингвокультурного сообщества, то именно в *языковой картине* мира запечатлена иерархия ценностей того или иного общества, определяющих отношение человека к реальности. Что касается *языкового сознания* как ментального образования, то содержание *языковой картины* мира представлено в нем в общей для этноса *когнитивной базе* – определенным образом структурированной совокупности «знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [16, с. 113], обеспечивающей сохранение чувства национальной идентичности и передачу культурных ценностей нации от поколения к поколению.

Существенным элементом когнитивной базы являются прецедентные феномены, под которыми традиционно понимаются «культурные предметы», значимые «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [14, с. 216]. Очевидно, что в силу вышеперечисленных свойств все прецедентные феномены отражают и определяют специфику национального характера в целом. Однако, как представляется, наиболее точным «зеркалом» глубинного содержания языкового сознания того или иного лингвокультурного сообщества, его ценностей, внутренних установок, целей и мотивов поведения общенационального языкового типа, являются прецедентные имена, т.к. и их номенклатура в языковом сознании народа, и смысловое содержание каждого имени непосредственно определяется особенностями национальной культуры и истории.

Для неопсихолингвистики, в центре которой находится человек и его *образ мира* [4, 5, 17, 18], прецедентные имена (далее ПИ) представляют интерес, обусловленный сразу несколькими причинами: 1) ПИ может быть связано в сознании не только с текстом, но и с ситуацией, символом которой это имя является; 2) ПИ есть часть когнитивной базы, т. е. инвариантной части картины мира; 3) ПИ отражает культурные ценности, однако в современном глобальном мире в настоящий момент наблюдается явная тенденция к смысловым сдвигам и созданию новых смыслов, что должно отражаться в «наборе» ПИ, входящем в национальную когнитивную базу; 4) содержание, стоящее в сознании отдельной личности за тем или иным словом, тем или иным культурным предметом (следовательно, и за ПИ), в значительной степени определяется её интеллектуальными характеристиками [14, 2].

Последние две особенности, а именно, создание новых смыслов (внешний фактор) и определенная степень зависимости содержания ПИ от интеллектуальных сил личности (внутренний фактор), проявляются, как мы предполагаем, не только в объеме их содержания, но и в том, что навязываемая извне и принимаемая некритично в силу ослабления способности к логическому мышлению информация оказывает влияние на устойчивость и стабильность связей между понятиями в индивидуальном тезаурусе, изменяя таким образом личную иерархию смыслов и ценностей. В этом случае именно «человек в совокупности его индивидуально-психических характеристик, «врастающий» в свою культуру в процессе социализации», а в данном случае, проявления его индивидуальности в содержании ПИ, накапливаясь, могут

спровоцировать изменения в общей когнитивной базе и, соответственно, в инвариантной части структуры общенациональной языковой личности [4].

Таким образом, совокупность описанных выше особенностей ПИ позволяет:

1) рассматривать его динамику в психолингвистической парадигме, учитывающей деятельностный характер формирования значения слова как в сознании отдельной личности, так и в языковом сознании социума;

2) не только объяснять сложнейшие проблемы взаимоотношений языка, культуры и содержания языкового сознания, но и те изменения в когнитивной базе, которые отражаются в языковом сознании и могут быть выявлены экспериментальным путем.

3. Специфика формирования содержания прецедентного имени как символа определенной ценности в индивидуальном языковом сознании

В принципе, пока обычный человек не столкнется с иным, чем его собственное, восприятием любой ситуации, особенно той, интерпретация которой непосредственно зависит от системы личных или культурных ценностей, он вряд ли задумывается о том, что за словом может стоять множество индивидуальных смыслов. Как замечает А.А. Потебня, обращаясь при этом к идеям В. Гумбольдта, субъективное содержание мысли каждого говорящего различно, что объясняется не только различием в чувственных образах предмета, зависящим от внешних условий, но и «в сильнейшей степени от того, что новый образ в каждой душе застаёт другое сочетание прежних восприятий, другие чувства и в каждой образует другие комбинации. В малорусской сказке про Ивана Голика один из двух братьев хочет из трех дубов срубить комору, а другой – из тех же деревьев сделать виселицу. Поэтому всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе несогласие» [22].

Безусловно, образы, возникающие в индивидуальном сознании при взгляде на конкретный предмет, обусловлены личным опытом человека, что ярко проявляется в ходе экспериментов [2, 3]. Однако в основе своей речевая деятельность человека есть социальный продукт, причем все то, что часто интерпретируется как индивидуальные отличия, оказывается на деле элементами, которые возникают под воздействием различных факторов: семейных, профессиональных, местных и т. д. [37].

Это положение Л.В. Щербы полностью согласуется с основным принципом отечественной психологии и психолингвистики об изначальной включенности ребенка в социальный мир взрослых. Развитие ребенка возможно только в пространстве общения с другими людьми, причем оно связано не просто с усвоением национального (или любого другого) языка. Главное в понятии развития, по мысли Л.С. Выготского [7–9], – это враста-

ние в культуру, освоение культурных форм поведения, которое проходит поэтапно, причем каждый переход на следующий уровень связан с качественными системными перестройками поведения, невозможными без овладения его низшими формами. Как неоднократно отмечал Л.С. Выготский: «Все культурное поведение ребенка вырастает на основе его примитивных форм, но этот рост означает часто борьбу, оттеснение старой формы, иногда ее полное разрушение, иногда «генеалогическое» напластование различных генетических эпох, которые делают поведение культурного человека похожим на земную кору» [8, с. 292].

Подчеркнем еще раз важнейшую, с точки зрения культурно-исторической теории, мысль: развитие внутренней структуры высших психических процессов человека не подчиняется схеме *стимул – реакция*, как это происходит при рефлексивных или примитивных формах поведения. Оно опосредовано знаками (символами), т. е. имеет объективированную форму и возникает только в процессе взаимодействия между людьми. При этом речевая деятельность является высшей формой символической деятельности человека, которая позволяет (и это особо отмечает Л.С. Выготский) **использовать человеку символ как средство овладения своим поведением** [выделено нами – И.Б., Д.П.].

Однако этот процесс не является односторонним: символ, в том числе слово, точно также способно управлять поведением человека. Особенно это замечание касается слов группы абстрактной лексики, куда традиционно относят два класса имен: событийные (пропозитивные) и признаковые [1, 6, 15], отличительной чертой которых является то, что они относятся к лексике с сигнификативно-денотативным либо чисто сигнификативным типом знакового значения. Такие имена не обозначают предметы в буквальном смысле слова, а значительное их число, в противоположность конкретным, обозначают понятия, относящиеся к миру человека, к умственным, нравственным, психическим, социально-нормативным сферам деятельности, совмещая в своей смысловой структуре разные по степени абстракции значения, одно из которых образовано на сигнификативной, а другое – на денотативной основе логико-предметного содержания. Именно такой характер абстрактной лексики дает основания для следующего вывода: «Абстрактное имя представляет собой высшую форму ментальной деятельности человека, поскольку оно обобщает такие стороны материальной действительности (они могут и противоречить друг другу), которые, хотя и присущи ей, в самой действительности ничем, кроме имени, не объединены» [35, с. 66–67].

С точки зрения психолингвистики основное различие между конкретной и абстрактной лексикой заключается в типе обобщения, а точнее – в тех психических механизмах, которые стоят

за операцией обобщения. Специфика абстрактного имени заключается в том, что явления, стоящие за ними, относятся к совершенно другому уровню реальности, чем явления, стоящие за именами конкретными, а образование значения такого имени в сознании является результатом особого вида когнитивной деятельности. Можно предполагать, что именно этот вид деятельности имел в виду Л.С. Выготский, когда писал: «Абстракция и обобщение мысли принципиально отличны от абстракции и обобщения вещей. Это не дальнейшее движение в том же направлении, не его завершение, а начало нового направления, переход в новый и высший план мысли» [9, с. 937]. Но главное отличие этой группы имен состоит в том, что данные абстракции не являются именами вещей или простыми отвлечениями, это – «имена сложных ситуаций» [34, с. 119].

Иными словами, такие имена, существующие в мыслях людей, представляют собой определенную идею, культурный эталон, используемый в данном социуме в качестве меры [Локк. Цит. по: 35]. И в силу этого, несмотря на расплывчатость словарных дефиниций таких слов как *честь, мужество, героизм, успех, достоинство, нравственность, мораль* и др., эти идеи не просто осознаются. В отличие от объективных законов природы и мышления, познаваемых людьми, деонтология и аксиология создаются ими, а затем рассматриваются обществом как необходимое условие его существования, что и позволяет говорить о «вещности» абстрактных имен в реальном мире, о наличии у них некоего «материального субстрата», заключенного, как представляется, в деятельности и конкретных действиях людей, результаты которых постоянно обобщаются в мыслях и отражаются в языке.

В языке и в когнитивной базе лингвокультурного сообщества этот «материальный субстрат», определяющий смысл абстрактных имен, часто закреплен прецедентным именем, которое становится символом, олицетворяющим ценности определенного национального сообщества. Такое имя представляет собой некий «прототипический денотат», имеющий основу в реальном мире в виде материального лица, за поступком которого стоит общее для носителей одной культуры смысловое пространство, дающее возможность человеку воспринимать явление, называемое этим именем, в качестве такового.

Овладение «набором» прецедентных имен своей культуры происходит в ходе социализации, причем смысловое содержание, стоящее за ними, связано с социально-культурной обстановкой, в которой формируется человек, в самом широком смысле этого слова.

Выше уже отмечалось, что человек становится человеком, «врастая» в свою культуру. Однако традиционная культура значительно консервативнее общества. Последнее, в силу своей динамичности, «навязывает» личности свои нормы, при-

чем, в зависимости от ситуации развития, эти нормы и ценности могут значительно отличаться от традиционных, а их спектр оказываться достаточно широким. Как справедливо замечает Е.Ф. Тарасов: «Человеческие ценности, социальные типы (социальные роли), социальные стереотипы поведения, образы и стили жизни, социальные мифологемы – это представления, конструируемые в социуме для маркирования и регулирования социальных отношений. ...значения слов, маркирующие отношения людей, складывающиеся в ходе общения членов социума, детерминированы социальным произволом субъектов общения, т. е. значение этих слов – результат социального конструирования» [28, с. 52].

Особенно ярко такое «навязывание» проявляется сегодня как в изменении содержания прецедентных имен, так и в изменении их номенклатуры. В настоящий момент когнитивная база современного молодого человека, носителя русского языка и русской культуры, значительно отличается от когнитивной базы тех, кто получал образование до конца девяностых годов прошлого столетия. Для поколения нулевых неизвестными стали имена *Алексея Мересьева, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, Александра Матросова*, подвиги которых олицетворяли *мужество, патриотизм и героизм* для поколения шестидесятых. Они никогда не слышали о *молодогвардейцах, Николае Островском* для них является автором пьес, писавшим в XIX веке, никаких ассоциаций не вызывают у них имена *Януша Корчака, Дмитрия Карбышева* и многих других. Единственное имя, оставшееся в их когнитивной базе из недавней истории нашей страны – это имя *Юрия Гагарина*, и только его они называют как символ одновременно *героического, мужественного, патриотичного* поступка. И этот факт свидетельствует о семантическом опустошении слов, значения которых отражают важные для русского лингвокультурного сообщества ценности.

Не менее показательным, на наш взгляд, является исчезновение из когнитивной базы молодого поколения прецедентного имени *Митрофанушка*, его в качестве символа *невежества* заменила *Ксения Собчак*.

Достоинство для современного студента воплощено в имени *Матери Терезы* и *Мерлин Монро*, трагедии – в *башнях-близнецах* в Нью-Йорке (ни один из наших респондентов не знает названий *Хатынь* и *Саласпилс*, единицы слышали о *Бухенвальде* и *Освенциме*).

И не менее примечательным оказывается имя, выбираемое подавляющим большинством как ПИ, *определяющее успех*, – *Билл Гейтс*.

Все это подтверждает высказываемое многими исследователями мнение о том, что на сегодняшний момент:

1. Современные студенты не знакомы с именами, которые являются прецедентными для представителей старшего поколения.

2. В языковом сознании молодых людей значения таких понятий, как *мужество, патриотизм, достоинство, честь* и т. п., размыто, а в ряде случаев эти слова оказываются семантически пустыми.

3. На выбор ПИ, которое обозначает определённое содержание либо определённую ситуацию, в большинстве случаев решающее влияние оказывают не культурные ценности, а ценности, пропагандируемые в современном обществе через различные источники.

4. История страны и русская литература всё реже становятся источниками, пополняющими список ПИ.

Заключение

Наблюдаемые сегодня изменения в когнитивной базе современного молодого поколения, касающиеся, прежде всего, содержания социальных аспектов «образа мира», т. е. содержания языкового сознания, ассоциированного с лексическими единицами, конструируемыми в условиях социального контроля [28], связаны с агрессивной политикой средств массовой коммуникации, «изъятием» целых пластов из истории страны, навязыванием через массовую культуру чужеродных моделей поведения, что в целом способствует активному закреплению в языковом сознании носителей русской культуры ценностей западного мира, в корне отличающиеся от ценностей славянской культуры.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Бубнова, И.А. Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта: моногр. / И.А. Бубнова. – Минск: МГЛУ, 2004. – 238 с.
3. Бубнова, И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук / И.А. Бубнова. – М.: ИЯ РАН, 2008. – 480 с.
4. Бубнова, И.А. Нео-психолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия / И.А. Бубнова, В.В. Красных // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 3 (21). – С. 128–136.
5. Бубнова, И.А. Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации / И.А. Бубнова, В.В. Красных // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2014. – № 4 (16). – С. 80–89.
6. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
7. Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса / Л.С. Выготский // Собр. соч.: В 6 т. / Л.С. Выготский; отв. ред. А.В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 487 с.
8. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. / Л.С. Выготский; отв. ред. А.В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – 367 с.
9. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Смысл: Эксмо, 2004. – 512 с.
10. Залевская, А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов / А.А. Залевская // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 34–48.
11. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
12. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 554 с.
13. Зыкова, И.В. Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое: моногр. / И.В. Зыкова. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.
14. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
15. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
16. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
17. Красных, В.В. Некоторые базовые понятия и основные категории психо-лингвокультурологии / В.В. Красных, И.А. Бубнова // Вопросы психолингвистики. – 2015-а. – № 3(25). – С. 168–174.
18. Красных, В.В. Психолингвокультурология как новая научная дисциплина: некоторые базовые понятия и основные категории / В.В. Красных, И.А. Бубнова // Сб. «Восток – Запад: взаимодействие языков и культур. III Международная научно-практическая конференция. Улан-Удэ, 16–20 сент. 2015 г. – Улан-Удэ: Изд-ва ВСГУТУ, 2015-б. – С. 11–17.
19. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.
20. Лурье, С.В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – М.: Аспект-пресс, 1997. – С. 448.
21. Павлова, А.В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма / А.В. Павлова, М.В. Безродный // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 11–20.
22. Потемня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потемня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
23. Рогожникова, Т.М. О национально-культурной специфике ассоциативных реакций детей / Т.М. Рогожникова // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 108–116.
24. Сабуркина, Н.В. Общее и различное в

языковом сознании славянских народов (некоторые результаты анализа Славянского ассоциативного словаря) / Н.В. Сабуркина, А.Г. Сонин // *Язык. Сознание. Культура*. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – С. 230–245.

25. Степанов, Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры* / Ю.С. Степанов. – М., 1997.

26. Степанов, Ю.С. *Концепты. Тонкая пленка цивилизации* / Ю.С. Степанов. – М., 2007. – С. 248.

27. Стернин, И.А. *Русское и финское коммуникативное поведение* / И.А. Стернин. Воронеж, Изд-во ВГТУ, 2000. – 180 с.

28. Тарасов, Е.Ф. *Социальные аспекты формирования языкового сознания* / Е.Ф. Тарасов // *Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. Москва, 15–17 июня 2009 г.* / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), О.В. Бяляникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Эйдос, 2009. – С. 51–56.

29. Телия, В.Н. *Основные постулаты лингвокультурологии* / В.Н. Телия // *Филология и культура: материалы II междунар. конф. В 3 ч.* – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.П. Державина, 1999. – Ч. 3. – С. 14–15.

30. Уфимцева Н.В. *Русские: опыт еще одного самопознания* // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 139–162.

31. Уфимцева, Н.В. *Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских* / Н.В. Уфимцева // *Языковое сознание: формирование*

и функционирование. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 135–170.

32. Уфимцева, Н.В. *Языковое сознание и образ мира славян* / Н.В. Уфимцева // *Языковое сознание и образ мира*. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 207–220.

33. Уфимцева, Н.В. *Значение слова как отражение социокультурной реальности* / Н.В. Уфимцева // *Вопросы психолингвистики*. – 2015. – № 3. – С. 83–92.

34. Филлмор, Ч. *Основные проблемы лексической семантики* / Ч. Филлмор // *Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика*. – М.: Радуга, 1983. – Вып. 12. – С. 74–122.

35. Чернейко, Л.О. *Лингвофилософский анализ абстрактного имени* / Л.О. Чернейко. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.

36. Шмелев, А.Д. *Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»?* / А.Д. Шмелев // *Политическая лингвистика*. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 21–33.

37. Щерба, Л.В. *Языковая система и речевая деятельность* / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

38. Ясин, Е. *Тектонические сдвиги и универсальные ценности* / Е. Ясин. – <http://ej.ru/?a=pote&id=11284#> (дата обращения 02.12.2016)

39. Schwartz, S.H. *Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries* / S.H. Schwartz // M. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. – Vol. 25. – New York: Academic Press, 1992. – P. 1–65.

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет (Москва), aribubnova@gmail.com

Подрезова Дарья Вадимовна, соискатель кафедры зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет (Москва), podrezova.dascha@yandex.ru

Поступила в редакцию 23 декабря 2016 г.

DOI: 10.14529/ling170101

ALLUSIVE NAME IN THE INDIVIDUAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS AS A SYMBOL OF NATIONAL CULTURAL VALUES

I.A. Bubnova, aribubnova@gmail.com

D.V. Podrezova, podrezova.dascha@yandex.ru

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

The article covers the issue of the allusive name that represents a certain cultural value of the nation, being the part of the cognitive base of the linguo-cultural community. Special attention is paid to the process of the allusive name formation in the individual linguistic consciousness and to the factors

affecting the change of its content. The authors prove that the changes of the allusive name content on the level of the individual personality as a member of a particular social group can lead to the changes in the system of cultural values of the nation.

Keywords: national values, national linguistic personality, allusive name, culture, language consciousness.

References

1. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [The Sentence and its Sense: Logical and Semantic Problems]. Moscow, Nauka, 1976, 384 p. DOI: 10.2307/3585921
2. Bubnova I.A. *Abstraktnoe imya i intellekt: kognitivnaya model' kak otrazhenie individual'nogo mental'nogo opyta. Monografiya* [Abstract Name and Intelligence: a Cognitive Model as a Reflection of Individual Mental Experience Monography]. Minsk, MSLU, 2004, 238 p.
3. Bubnova I.A. *Struktura sub"ektivnogo znacheniya slova (psiholingvisticheskiy aspekt)* [The Structure of the Subjective Meaning of the Word (Psycholinguistic Aspect). Dissertation of Doctor of Philology]. Moscow, Institute of linguistics RAS, 2008, 480 p. DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-68-90
4. Bubnova I.A., Krasnyh V.V. *Neo-psiholingvistika: argumenty v zashchitu nacional'no-kul'turnogo svoebraziya. Voprosy psiholingvistiki*. [Neo-psycholinguistics: the Case for National and Cultural Identity. Questions of Psycholinguistics.] 2014-a, № 3 (21). pp. 128–136. DOI: 11701/2754
5. Bubnova I.A., Krasnyh V.V. *Chelovek i ego obraz mira kak ob"ekt i predmet sovremennykh integrativnykh issledovaniy: tradicii i novacii. Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. YAzykovo obrazovanie»* [The Man and his Image of the World as an Object and Subject of Modern Integrative Studies: Traditions and Innovations. Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series "Philology. The Theory of Language. Language education"] 2014-b, № 4 (16). pp. 80–89.
6. Vsevolodova M.V. *Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli yazyka: Uchebnik*. [The theory of Functional-Communicative Syntax: a Fragment of Applied (pedagogical) Model Language: a Tutorial]. Moscow, Publishing House of Moscow state University, 2000, 502 p.
7. Vygotskiy L.S. *Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa. Sobr.soch. v 6 t. T.1*, [The Historical Meaning of Psychological Crisis. Collected Works in 6 Volumes, Managing editor A.V. Zaporozhets]. Moscow, 1982, 487p. DOI: 10.1007/978-1-4615-5893-4_17
8. Vygotskiy L. S. *Istoriya razvitiya vysshih psihicheskikh funkcij. Sobr. soch.: V 6-ti t. T. 3. Otv. red. A.V. Zaporozhec*. [The History of Development of Higher Mental Functions. Collected Works in 6 Volumes, Managing editor A.V. Zaporozhets]. Moscow, Pedagogy, 1983, pp. 5-328. DOI: 10.1007/978-1-4615-5401-1_3
9. Vygotskiy L.S. *Psihologiya razvitiya cheloveka* [The Psychology of Human Development]. Moscow, Publishing house Smysl; Publishing house Eksmo, 2004, 512 p.
10. Zalevskaya A.A. *Nekotorye proyavleniya specifiki yazyka i kul'tury ispytuemykh v materialah associativnykh ehksperimentov. Ehtnopsiholingvistika*. [Some Specifics of the Language and Culture Subjects on Association Experiment Materials. Ethnopsycholinguistics] Moscow, Nauka, 1988. pp. 34–48.
11. Zalevskaya A.A. *Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy*. [Psycholinguistic Studies. Word. Text: Selected Works]. Moscow, Gnozis, 2005, 543 p.
12. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., SHmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj karti-ny mira* [Key Ideas of Russian Language Picture of the World. Moscow: Languages of Slavic Culture] Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005, 554 p.
13. Zykova I.V. *Kul'tura kak informacionnaya sistema: duhovnoe, mental'noe, material'no-znakovoe. Monografiya*. [Culture as Information System: Spiritual, Mental, Material and Symbolic. Monography]. Moscow, Publishing house "Librokom", 2011, 368 p.
14. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, LKI, 2010, 264 p.
15. Kacnel'son S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of Language and Speech Thinking]. L., Nauka, 1972, 216 p.
16. Krasnyh V.V. *Ehtnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya*. [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics]. Moscow, Gnozis, 2002, 284 p.
17. Krasnyh V.V., Bubnova I.A. *Nekotorye bazovye ponyatiya i osnovnye kategorii psiho-lingvokul'turologii. Voprosy psiholingvistiki*. [Some of the Basic Concepts and Main Categories Psycho-Cultural Studies. Questions of Psycholinguistics]. 2015-a, № 3(25). pp. 168–174.
18. Krasnyh V.V., Bubnova I.A. *Psiholingvokul'turologiya kak novaya nauchnaya discipli-na: nekotorye bazovye ponyatiya i osnovnye kategorii* [Psycholinguistic Culturology as New Scientific Subjects: Some Basic Concepts and the Main Categories the Collection of East]. West: Interaction of Languages and Cultures. III International Scientific-Practical Conference. Ulan-Ude, 16–20 September 2015. Ulan-Ude: Publishing House of ESSUTM, 2015-b, pp. 11–17.
19. Leont'ev A.A. *Yazykovo soznanie i obraz mira. Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'*. [Language Consciousness and Image of the world. Language and Consciousness: Paradoxical Rationality]. Moscow, Institut yazykoznanija RAN, 1993, pp. 16–21.
20. Lur'e S.V. *Istoricheskaya ehtnologiya*. [Historical Ethnology] Moscow, Aspekt-press, 1997, pp. 448.

21. Pavlova A.V. Bezrodnyj M.V. Hitrushki i edinorog: iz istorii lingvonarcissizma [Haroski and the Unicorn: the History of Linguamatics]. *Political Linguistics*. Ekaterinburg, 2011. № 4 (38), pp. 11–20.
22. Potebnaya A.A. *Mysl' i yazyk*. [Thought and Language] Moscow, Labirint, 1999, pp. 300.
23. Rogozhnikova T.M. O nacional'no-kul'turnoj specifike asociativnyh reakcij detej. *Ehtnopsiholingvistika* [On the National-cultural Specificity of Associative Responses of Children. *Ethnopsycholinguistics*]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 108–116.
24. Saburkina N.V., Sonin A.G. Obshchee i razlichnoe v yazykovom soznanii slavyanskih narodov (nekotorye rezul'taty analiza Slavyanskogo asociativnogo slovary) [Common and Different in the Linguistic Consciousness of the Slavic Peoples (Some Results of the Analysis of the Slavic Associative Dictionary)]. *Language. Consciousness. Culture*. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2005, pp. 230–245.
25. Stepanov Yu.S. Konstanty. *Slovar' russkoj kultury*. [Constants. Dictionary of Russian culture] Moscow, 1997.
26. Stepanov YU.S. *Koncepty. Tonkaya plenka civilizacii*. [Concepts. A Thin Film of Civilization] Moscow, 2007, pp. 248.
27. Sternin I.A. Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie. [Russian and Finnish Communicative Behavior]. Voronezh, Publishing house Voronezh state technical University 2000, 180 p.
28. Tarasov E.F. Social'nye aspekty formirovaniya yazykovogo soznaniya [Social Aspects of the Formation of Language Consciousness]. *Psycholinguistics in the XXI Century: Results, Problems, Prospects. XVI International Symposium on Psycholinguistics and Theory of Communication. Thesis Reports Moscow, 15–17 June 2009*. Ed. Board: E.F. Tarasov (resp.ed.) O.V. Balyasnikova, E.S. Oshchepkov, N.In. Ufimtseva. Moscow, Publishing house "Eidos", 2009, pp. 51–56.
29. Teliya V.N. Osnovnye postulaty lingvokul'turologii [The Basic Postulates of Cultural Linguistics]. *Philology and Culture: Proceedings of the II International Conference In 3 parts*. Tambov, Publishing house TSU named after G. R. Derzhavin, 1999, Ch. 3, pp. 14–15.
30. Ufimceva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russian: the Experience of One Self]. *Ethnocultural specificity of language consciousness*. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 1996, pp. 139–162.
31. Ufimceva N.V. Ehtnicheskij harakter, obraz sebya i yazykovoje soznanie russkikh [Ethnic Character, and Image of Self, and Linguistic Consciousness of Russian]. *Language Consciousness: Formation and Functioning*. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 1998, pp. 135–170.
32. Ufimceva N.V. Yazykovoje soznanie i obraz mira slavyan [Language Consciousness and Image of the World of the Slavs]. *Language Consciousness and Image of the World*. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2000, pp. 207–220.
33. Ufimceva N.V. Znachenie slova kak otrazhenie sociokul'turnoj real'nosti [The Meaning of the Word as a Reflection of Socio-Cultural Reality]. *Questions of Psycholinguistics*. 2015, № 3, pp. 83–92.
34. Fillmor CH. Osnovnye problemy leksicheskoj semantiki [The Basic Problems of Lexical Semantics]. *New in foreign Linguistics. Applied Linguistics*. Moscow, Raduga, 1983, Edition 12, pp. 74–122.
35. Chernejko L.O. *Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni* [Linguophilosophical Analysis of Abstract Name]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1997, 320 p.
36. Shmelev A.D. Vsegda li nauchnoe izuchenie russkogo yazyka yavlyaetsya proyavleniem "lingvonarcissizma"? [Is Scientific Study of the Russian Language Always Manifestation of the "Lingonberries"?]. *Political Linguistics*. Ekaterinburg, 2011, № 4 (38), pp. 21–33.
37. Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Science, 1974, 428 p.
38. Yasin E. *Tektonicheskie sdvigi i universal'nye cennosti* [Tectonic Shifts and Universal Values [Electronic resource]. URL: <http://ej.ru/?a=note&id=11284#> (date of access 02.12.2016)
39. Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theory and Empirical Tests in 20 countries. Ed. M. Zanna. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. New York: Academic Press, 1992, pp. 1–65.

Irina A. Bubnova, doctor of Philology, Professor, head of department of foreign languages, Moscow City Pedagogical University, (Moscow), aribubnova@gmail.com

Daria V. Podrezova, postgraduate of department of foreign languages, Moscow City Pedagogical University, (Moscow), podrezova.dascha@yandex.ru

Received 23 December 2016

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Бубнова, И.А. Прецедентное имя в индивидуальном языковом сознании как символ национально-культурных ценностей / И.А. Бубнова, Д.В. Подрезова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 5–13. DOI: 10.14529/ling170101

FOR CITATION

Bubnova I.A., Podrezova D.V. Allusive Name in the Individual Linguistic Consciousness as a Symbol of National Cultural Values. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2017, vol. 14, no. 1, pp. 5–13. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling170101